

Bibbiana Cau

La Levatrice

Биббиана Кау

Позовите Малену

Ей доверяли жизнь

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

УДК 821.131.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)-44
К30

LA LEVATRICE
by Bibbiana Cau

© 2025 Casa Editrice Nord s.u.r.l.
Published by arrangement
with ELKOST International literary agency

Кау, Биббиана.

К30 Позовите Малену. Ей доверяли жизнь / Биббиана Кау ;
[перевод с итальянского Ю. Гармашовой]. — Москва :
Эксмо, 2026. — 400 с.

ISBN 978-5-04-251576-7

Сардиния, 1917 год. Малена, потомственная повитуха, помогает женщинам деревни Норолани в родах, ничего не ожидая взамен. Когда с фронта Первой мировой возвращается ее искалеченный муж, ей нужны деньги на лекарства для любимого. Она идет в муниципалитет требовать оплаты своей работы. Но ей не только отказывают, потому что она не умеет ни читать, ни писать, но и нанимают на ее место дипломированную акушерку с материка...

Сильная женская история, пропитанная ароматами трав, соленого морского ветра и тяжелой жизни, честно прожитой до последнего вдоха.

УДК 821.131.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)-44

© Гармашова Ю.В., перевод
на русский язык, 2026
© Оформление.

ISBN 978-5-04-251576-7

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

17 сентября 1917 года, понедельник

Время пришло — Малена поняла это по железистому запаху крови, стекающей по внутренней стороне широко раздвинутых бедер Лучии.

— Пора, — сказала она, не отрывая взгляда от молодой женщины на полу; та в исступлении стянула с себя длинную рубаху из грубого хлопка и теперь сидела на овчине нагая.

Малена пошевелила угли в очаге и раздула пламя мехами. Свет озарил лица женщин; капли пота заблестели на груди Лучии, на темных крупных сосках. По известковым стенам скользили и вытягивались тени — то озорные, то зловещие; они словно сменяли друг друга в причудливом танце.

Малена закатала рукава льняной рубашки выше локтей и смазала свои точеные руки маслом мастикового дерева.

— Ты приготовила пеленки, что я просила? — спросила она дочь Розу, которая, вцепившись в табурет обеими руками, жалась в стороне.

— Да, мамай, они на скамье.

— Положи поближе к огню, чтобы прогрелись.

Костлявая, узкоплечая, вся в черном, тетка Ноннора сидела на стуле в углу кухни и вполголоса читала непонятные молитвы, перебирая четки. Лишь время от времени она прерывалась, чтобы дать очередное наставление, смысл которого ускользал от Розы:

— Смотрите мне, ничего не трогайте. Оставьте все так, как я сказала. Ничто не должно оставаться закрытым — ни сундук, ни дверь, ни ящик. Все должно быть открытым — в знак доброго предзнаменования.

Произнеся это, старуха вернулась к своим таинственным молитвам, которые, казалось, знала лишь она одна. Незадолго до этого она зажгла свечу в нише со святыми образами и положила образок святой Анны себе на юбку. Не переставая молиться, она подняла взгляд на Лучию, и Розе показалось, что в глазах старухи на мгновение мелькнула нежность: словно она вновь увидела перед собой маленькую девочку, а не взрослую внучку.

При каждой схватке Лучия издавала глухой животный стон, а потом обмякала на овчине, дрожа всем телом, не смотря на близость очага. Так продолжалось с самого полудня. Прикладывая руки к напряженному животу молодой женщины, Малена угадывала положение ребенка, различала движения его рук и ног.

В дальнем углу комнаты Роза в оцепенении наблюдала за происходящим. Она впервые сопровождала мать на родах и впервые видела рожающую женщину. Мать не раз описывала ей это волнительное событие в самых ярких красках, замечая, что рождение ребенка — всегда благо, и все же Роза никогда бы не подумала, что это занимает столько времени. Кровь стыла у нее в жилах от криков Лучии: та кричала и звала на помощь так, словно какой-то зверь разрывает ее изнутри.

Роза не могла понять, откуда взялся этот густо разлитый по комнате страх, который был и ее собственным.

Она придвинулась ближе к тетке Нонноре; та не переставала молиться. Монотонный голос и близость этой старухи в черном успокаивали девочку.

В комнате было дымно и жарко натоплено. Мать сидела на корточках рядом с Лучией и время от времени оборачивалась, чтобы пошевелить поленья. Искры жалили ее обнаженные руки, но она словно не замечала этого.

Поймав взгляд Розы, Малена попросила ее проверить, все ли готово:

— Следи за водой в горшке, да смотри не урони его с треноги. И держи пеленки наготове. Больше повторять не стану.

Выполнив поручение матери, Роза снова села рядом с теткой Ноннорой, которая, стиснув четки в скрюченных артритом пальцах, хрипло шептала:

— Святая Анна, покровительница матерей и тяжелых родов, услышь мою смиренную молитву...

Тем временем тело роженицы сотряслось от нового спазма. Лучия раскрыла рот, и лицо ее исказилось гримасой боли. Она принялась тужиться и кричать с такой силой, будто больше не могла сдерживаться, и теперь все ее существо подчинялось одному лишь неудержимому порыву — отдаться потуге целиком. Когда она переводила дыхание, воздух, входивший в ее легкие, казался уже не кухонным: он был чище и невесомее, словно из другого мира.

Не сводя глаз с роженицы, Роза вздрагивала от каждого крика, который, казалось, пронзал ее насквозь. Она из последних сил заставляла себя сосредоточиться на голосе старухи. Тетка Ноннора молилась за Лучию и за всех других рожениц, за роды, что прошли благополучно, и за женщин, которые их не пережили, — как ее собственная дочь, мать Лучии, — за детей, которым не суждено было вырасти, и за все то, что могло произойти в эти таинственные мгновения.

— Тужься! Ну же, тужься изо всех сил! — подбадривала Малена, стараясь не выдать своего волнения.

Роза не чуяла рук и ног от усталости, и время, которое потребовалось, чтобы второй ребенок Лучии появился на свет, показалось ей бесконечным. Зато малыш тотчас закричал во все горло — Малене даже не пришлось переворачивать его вниз головой и шлепать по попке. Со знанием дела она перевязала пуповину нитью, а затем, под неотрывными взглядами дочери и тетки Нонноры, быстрым почти автоматическим движением перерезала ее леппой¹, которую вытащила из кармана юбки. Прежде чем пустить ее в ход, Малена несколько раз провела лезвием над огнем. Конец пуповины она присыпала остывшей золой.

— С ним все хорошо? — спросила Лучия таким голосом, что было понятно: больше всего на свете ей сейчас хочется закрыть глаза и забыться. Но прежде ей не терпелось увидеть ребенка и взять его на руки.

Малена не ответила. Она растирала новорожденного теплым маслом, осторожно потягивая за ручки и ножки, проверяя, не случилось ли вывихов при рождении. Затем вытерла розовое пухлое личико малыша, который все это время не переставал кричать, и завернула его в прогретые у огня пеленки.

— Скажи, Малена, он здоровенький?

— У тебя мальчик. Сама слышишь, как горланит. Здоров как бычок, — ответила она коротко.

Голос новорожденного, полный жажды жизни, был красноречивее любых слов.

¹ Леппа (от сард. *leppa* — «нож») — традиционное сардинское клинковое оружие, представляющее собой большой, слегка изогнутый нож. Оно сочетает функции инструмента (для рубки веток, разделки животных) и оружия (здесь и далее прим. переводчика).

Молодую мать знобило, несмотря на одеяла и тепло огня. Мелена положила новорожденного ей на руки, с левой стороны, прямо к сердцу.

В полумраке Роза видела, как Лучия вглядывается в личико ребенка. Едва их трепещущие тела коснулись друг друга, оба словно успокоились, и Роза, вздохнув, тоже обмякла на табурете, чувствуя, как расслабляются напряженные мышцы.

— Ты погляди на него — не успел родиться, а уже такой вертлявый! Все-то он знает, все-то умеет. Чудо, да и только, — пробормотала тетка Ноннора, указывая на малыша, который сначала ткнулся губами в материнскую грудь, потом быстро отыскал сосок и принялся жадно причмокивать, пока не уснул.

Присев на корточки перед Лучией, Мелена с покрасневшими от дыма и усталости глазами дожидалась, пока выйдет плацента. Роза наблюдала, как мать проверяет, вышла ли та целиком и не осталось ли чего внутри, и лишь убедившись, что все в порядке, положила плаценту у очага.

Тетка Ноннора молча вышла из комнаты и немного погодя вернулась в сопровождении своего мужа и первенца Лучии — те все это время ждали у соседей, в доме напротив.

— Ну же, подойди посмотреть на братика.

Мальчик остался стоять поодаль рядом с прабабушкой. Его смущали беспорядок в комнате и этот маленький незнакомец, которого мать прижимала к себе с замороженным взглядом. Старик в поношенной рабочей одежде подошел ближе и осторожно погладил Лучию и младенца своими большими мозолистыми руками. От этого легкого прикосновения новорожденный даже не проснулся и продолжал блаженно спать с умиротворенным личиком.

Роза с удивлением наблюдала за стариком, охваченным тихой благостью, и думала — смутно, не умея до конца

осмыслить, — о том, как легко уживаются в мужчинах грубость и нежность. Глаза старика заблестели, и она догадалась: он думает о муже Лучии, который спит сейчас в обнимку со штыком где-то в холодных горах Трентино.

— Как только сможешь, выкопай во дворе яму, да поглубже, и зарой плаценту, чтобы животные до нее не добрались. Нельзя, чтобы они питались священной человеческой плотью.

Тетка Ноннора посмотрела мужу прямо в глаза — убедиться, что он все правильно понял. Проведя еще несколько минут в тихом созерцании, старик подошел к старшему внуку, который все так же молча и растерянно стоял у входа, взял его за руку и вывел наружу.

Малена и Роза смочили льняные полотенца в теплой воде с каплей вина и обтерли ими роженицу, подложив ей между ног мягкую тряпочку, сложенную вчетверо. Переодев Лучию в чистую ночную рубашку, они помогли ей перебраться в спальню, где постель по такому случаю была застелена лучшим бельем, какое только нашлось в доме. Матери с сыном предстояло провести в кровати несколько дней, принимая родственников и соседей: те будут угощаться ароматными амаретти и мягкими савоярди и пить сладкую мальвазию за здоровье новорожденного и всей семьи.

Собрав окровавленные полотенца, Малена на мгновение встретилась взглядом с дочерью, и та тотчас приготовила щелок, замочила и прополоскала их в остатках горячей воды. Несмотря на то что все тело у нее ломило от усталости, Роза молча развесила полотенца сушиться на стульях у огня, пока мать мыла руки в тазу с холодной водой. Они оставались в доме столько, сколько было нужно, чтобы убедиться, что все в порядке.

— Пора вам идти, — сказала тетка Ноннора, доставая что-то из небольшого настенного шкафчика.

— Завтра зайду проверить, как они, — ответила Мелена, глядя на старуху.

— Дай тебе Господь здоровья и удачи, милая.

Провожая их к двери, тетка Ноннора протянула Розе небольшой круг свежего пекорино, завернутый в грубую льняную тряпицу. Роза приняла дар, но лишь после того, как мать согласно кивнула.

2

На улице уже пару часов как стемнело. Ледяной мистраль заставил мать и дочь прибавить шагу, когда они шли по крутым узким улочкам с низкими домами из темного камня. Они зашли за Даниэле, которого еще в первой половине дня, перед тем как отправиться к Лучии, оставили у тетки Дзиццы, его бабушки, в нижней части Норолани.

Едва завидев их, мальчик юркнул под шаль матери; та легонько хлопнула его по щеке тыльной стороной ладони.

— Он почти все время провел на улице, землю мотыжил. Еле домой загнала. А как стемнело, притих, даже воды не просит. — Тетка Дзицца показала на белую эмалированную кружку с щербиной на ободке, стоявшую на столе нетронутой.

— Вы же знаете, бабушка: раньше он был прыткий и веселый, как козленок, а с тех пор как бабай ушел на войну, все молчит да грустит, — сказала Роза, пытаясь оправдать братика.

— Мой дорогой сыночек... Минуты не проходит, чтобы я о нем не думала, — вырвалось у старухи.

— Ах ты мой поросенок, — улыбнулась Малена мальчику. Из-под бахромы шали торчал один только нос.

Роза смотрела на брата и теребила руки, не решаясь продолжить.

— В школе он тоже все время молчит, и учитель Мелони в понедельник надавал ему пощечин за то, что не отвечал на вопросы, — призналась она смущенно. Она обещала Даниэле не рассказывать об этом матери.

Малена посмотрела на мальчика.

— Это правда? — строго спросила она.

Тот потупил взгляд.

— Но я не проронил ни слезинки.

Малена молча прижала сына к себе.

— Ладно, уже совсем поздно, нам пора. Покойной ночи, тетя Дзицца.

Они зашагали вверх по улице в сторону дома. Луна освещала мощенную старинным камнем мостовую, и было слышно, как звонко стучат гвозди в каблуках туфель Малены.

Отперев замок большим ключом, Малена зажгла масляную лампу, висевшую на крюке за входной дверью. Шаль она бросила на один из стульев в маленькой прихожей, и все трое прошли на кухню: слева большой каменный очаг, напротив дверь во двор, а рядом — небольшое окошко с деревянными ставнями внутрь, такое же, как в двух других комнатах. Девочка положила на стол сыр от тетки Нонноры. Первым делом Малене предстояло развести огонь: несколько угольков, пролежавших под золой с самого утра, облегчили ей эту задачу.

— Роза, разогрей бульон.

Она сварила его еще утром, после того как дети ушли в школу. В глиняном горшке с подсоленной водой плавали картофелины и целые луковицы; в воздухе до сих пор стоял аромат сушеных помидоров и свежего базилика.

Малена выбежала наружу и устремилась в дальний угол двора — она терпела уже несколько часов. Подтершись

влажной льняной тряпицей, она наконец почувствовала облегчение. В свете луны она придвинула мотыгой горстку земли и присыпала ямку и, перед тем как вернуться в дом, прополоскала тряпицу и расправила складки на юбке.

На кухне Даниэле наблюдал, как мать достает из небольшого шкафчика в нише коккой — темный круглый хлебец из ржаной муки.

— Можно, я порежу?

Малена молча вынула леппу из кармана юбки и протянула ему. Мальчик отрезал три толстых куса, а сестра разложила их по тарелкам. Малена добавила к каждому тонкий ломтик пекорино от тетки Нонноры и разбила всем в тарелку по яйцу. Сверху влила два половника горячего бульона. Хлеб и сыр размякли, яйцо схватилось. Ели молча.

Только после ужина, усевшись на деревянный сундук у стены рядом с очагом, они вытянули ноги к огню. Осень только начиналась, но в маленьком доме из базальтового камня было холоднее, чем на улице, и тепло очага приятно разливалось по телу.

— Как прошло утро в школе? Чему вы сегодня научились?

Роза побежала за тетрадкой и с гордостью показала все, что они написали на уроке. Малена внимательно разглядывала незнакомые ей знаки. Написанные на бумаге слова завораживали ее. Сама она никогда не училась, но надеялась узнать что-то новое благодаря детям.

— А ты, Даниэле, что делал в классе?

Мальчик сделал вид, что не расслышал, и принялся мехами раздувать огонь:

— А там, где сейчас бабай, у них есть очаг?

— Ну и глупый же ты! Откуда ему там взяться? У солдат нет дома, как у нас, — с постелью, очагом, припасами и всеми удобствами.

Роза раздраженно посмотрела на брата. Ее выводило из себя, когда он говорил что-то не к месту.

— Почитай последнее письмо от бабая, — попросил мальчик, вдруг посерьезнев. Сестра, заметив, как заблестели у него глаза, смягчившись, согласилась.

Монте-Дзебио, 12 июля 1917 года

«Малена, любовь моя!

С каждым восходом солнца я думаю о тебе и о наших детях. Я все еще здесь, под грохотом австрийских пушек, меня обжигает ледяное дыхание несправедливости, но вашими молитвами я надеюсь побороть смерть и растерянность. Каждый день я молюсь о том, чтобы выбраться живым из этого ада. Среди моих товарищей многие готовы погибнуть за Родину, но ни один из нас не понимает, за что мы воюем. Надеюсь выжить и верю, что скоро смогу обнять вас.

Ваш Манка Джованни».

— А тот, кто написал это письмо за бабая, красиво пишет, правда? Почти стихотворение вышло, только очень грустное. Интересно, что бедненький бабай сейчас делает.

Роза молча слушала Даниэле, аккуратно складывая листок и думая о том, как прекрасен будет миг, когда отец наконец вернется. Малена тоже молчала. Веки отяжелели после трудного дня. По вечерам, когда она думала о Джованни, тоска о нем сжимала сердце и перехватывала дыхание. Она вздохнула, встала и потянулась к деревянной полке: там стояла корбула, плетеная корзинка с сушеным инжиром. Малена взяла горсть и протянула детям, оставив одну себе.

— Мамай, вы же оставите немного для бабая, когда он вернется?

— Конечно! Мы оставим для него целое ожерелье из инжира.

